

**ПОЛИТИКА СССР В ВОСТОЧНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
ПОСЛЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДВОЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (март — июнь, 1939)**

15 марта 1939 г. немецко-фашистские войска вступили в Прагу. Захват Чехословакии позволил Германии опередить Англию и Францию в подготовке к войне. У гитлеровцев оказалось большое количество отличного чехословацкого оружия, которым можно было вооружить 40 дивизий¹. Фашистская Германия присвоила себе золотой валютный запас чешского эмиссионного банка. Она овладела высокооборудованными заводами Шкода, производившими вооружение не только для Чехословакии, но и Румынии, Югославии и других стран Европы. «Обладая заводами Круппа и предприятиями Шкода,—сообщал в Париж французский посол в Берлине Р. Кулондр,—рейх теперь бесспорно имеет все преимущества для поставки вооружения в Восточную и Юго-Восточную Европу. Тем самым он имеет в своем распоряжении средства для оказания политического давления и осуществления контроля над вооружением...»²

Дальновидные буржуазные политики понимали, что германская агрессия угрожает в первую очередь западным державам. В день оккупации Германией Чехии У. Черчилль заявил полпреду СССР в Англии И. М. Майскому, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад»³. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц сообщал в середине марта в Москву, что в Париже все больше утверждается мнение, что главным направлением германской агрессии является Запад⁴. Однако правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье сохраняли верность политике умиротворения. На заседании британского кабинета министров 15 марта Н. Чемберлен предложил использовать первую же возможность, чтобы заявить о прекращении действия английских гарантий Чехословакии⁵. Премьер-министр Франции Э. Даладье защищал 17 марта в парламенте мюнхенскую политику. Он потребовал предоставления

¹ История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 23, с. 123.

² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г.—август 1939 г.). М., 1971, № 168, с. 253.

³ Там же, № 151, с. 236.

⁴ Там же, № 152, с. 237—238.

⁵ Colvin J. The Chamberlain Cabinet. N. Y., 1971, p. 186.

правительству чрезвычайных полномочий. Я. З. Суриц в своей телеграмме в Москву высказал уверенность, что «диктатура будет использована... для подготовки нового Седана»⁶.

Правительство СССР выступило с решительным протестом против агрессивных действий Германии. Оно отказалось признать включение в состав Германии Чехии, а в той или иной форме Словакии «правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права»⁷. На проходившем 10—21 марта в Москве XVIII съезде ВКП(б) была вскрыта сущность мюнхенской политики западных держав. «...Взять Германию,— говорил на съезде И. В. Сталин,— уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судецкую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всяческие обязательства... толкая немцев дальше на Восток...» XVIII съезд ВКП(б) поставил перед советской дипломатией задачу продолжать политику мира, но в то же время соблюдать осторожность, не давая провокаторам войны втянуть СССР в конфликт. С трибуны съезда было заявлено, что Советский Союз выступает за мирные и добрососедские отношения с соседними государствами, за поддержку народов, ставших жертвами агрессии⁸.

18 марта Советское правительство предложило созвать совещание представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции в Бухаресте⁹. Такая конференция позволила бы выработать меры, направленные на коллективную защиту мира в Восточной и Юго-Восточной Европе. Одновременно правительство СССР проявило готовность расширить контакты с Балканскими и дунайскими странами в целях привлечения их к политике коллективной безопасности.

21 марта советский полпред в Анкаре А. В. Терентьев информировал министра иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу о предложении СССР созвать в Бухаресте конференцию для обсуждения мер против агрессии. Ш. Сараджоглу высоко оценил позицию Советского правительства, но от поддержки его предложения уклонился, заявив, что Турция сможет занять активную позицию лишь в том случае, если Англия, Франция, СССР примут какое-то решение¹⁰.

Серьезную озабоченность правительства СССР вызывало усиление германского нажима на Румынию. В этих условиях подтверждение XVIII съездом ВКП(б) решимости Советского Союза бороться за мир, развивать добрососедские отношения с соседними государствами, помогать жертвам агрессии имело

⁶ СССР в борьбе за мир..., № 159, с. 244.

⁷ Там же, № 157, с. 242—243.

⁸ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1939, с. 13—15.

⁹ СССР в борьбе за мир..., № 162, с. 246.

¹⁰ Там же, № 174, с. 261; примеч. 86, с. 680.

к ней непосредственное отношение. Румынский посланник в Англии В. Тиля сообщил И. М. Майскому, что «речь т. Сталина вызвала в Румынии большой подъем, почти энтузиазм»¹¹. По мнению Советского правительства, проведение в Бухаресте конференции для обсуждения мер сопротивления агрессии с участием представителей великих держав и стран Восточной и Юго-Восточной Европы укрепило бы внешнеполитическое положение Румынии¹². Но румынское правительство предпочло уступить Германии. 23 марта был подписан кабальный для Румынии румыно-германский экономический договор. КИР указывала, что его заключение означает «серьезный шаг к потере политической и экономической независимости страны и превращению ее в базу для нападения на СССР»¹³. 29 марта нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил румынскому посланнику в Москве, что Советский Союз не может равнодушно относиться к возможности получения агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения ею опорных пунктов вблизи советской границы или в черноморских портах¹⁴. Это заявление было одновременно и серьезным предупреждением, и напоминанием о готовности СССР сотрудничать в борьбе против агрессии.

Большое внимание советская дипломатия уделяла улучшению отношений с Польшей. Приобретение Польши к организации коллективного отпора агрессору было ключевой проблемой в обеспечении безопасности в Восточной Европе¹⁵. После оккупации Чехословакии Германия обошла Польшу с флангов и таким образом захватила удобную позицию для нападения на нее¹⁶. 16 марта польский посол в Москве В. Гжибовский был вынужден признать в беседе с М. М. Литвиновым, что «в Варшаве ясны последствия усиления Германии весьма ценным чешским оружием, а также золотом»¹⁷. В этих условиях Советское правительство настойчиво убеждало правительство Польши в жизненной необходимости для нее советско-польского сближения на основе принципов коллективной безопасности. 28 марта заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин напомнил В. Гжибовскому, что «со стороны Советского правительства в последнее время было сделано достаточно, чтобы не оставалось сомнений насчет его готовности улучшить отношения с Польшей»¹⁸. В конце марта был досрочно введен в действие

¹¹ Там же, № 151, с. 236.

¹² СССР в борьбе за мир..., № 162, с. 246.

¹³ VII Конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 306.

¹⁴ СССР в борьбе за мир..., № 193, с. 283—284.

¹⁵ История второй мировой войны, т. 2, с. 275.

¹⁶ Мо с л и Л. Утраченное время. М., 1972, с. 211.

¹⁷ СССР в борьбе за мир..., № 153, с. 239.

¹⁸ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, М., 1973, т. 7, № 37, с. 67.

советско-польский торговый договор, подписанный в феврале 1939 г.¹⁹ Правительство СССР удовлетворило ряд просьб польской стороны. Оно, в частности, согласилось на открытие воздушной линии Москва — Варшава²⁰. Советская дипломатия рассматривала расширение связей со странами Восточной и Юго-Восточной Европы как первый шаг к привлечению их к политике коллективной безопасности. Но для правящих кругов Польши и Румынии контакты с Советским Союзом были лишь средством воздействия на Англию и Францию с целью получения от них гарантий своих границ без участия СССР²¹.

Реализация советского предложения о созыве международной конференции зависела от западных держав. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне заявил Я. З. Сурицу, что с инициативой СССР он «в принципе согласен, но должен проконсультироваться в Лондоне и Бухаресте»²². Британское правительство отклонило предложение СССР под предлогом, что оно «преждевременно»²³. Но истинные мотивы отказа Лондона заключались в опасении, что на конференции может произойти сближение позиций Советского Союза, Франции и стран Восточной и Юго-Восточной Европы. С этой точки зрения английское предложение подписать декларацию СССР, Англии, Франции и Польши об их заинтересованности в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы не казалось столь «опасным». Такая декларация не могла стать серьезным препятствием на пути агрессоров. Но Советское правительство согласилось ее подписать²⁴, так как она могла стать хотя бы небольшим шагом вперед в борьбе за коллективную безопасность.

Активная внешняя политика Советского Союза, его последовательная борьба в защиту мира и независимости стран Восточной и Юго-Восточной Европы заставила английское правительство прибегнуть к маневрам. Правительство Н. Чемберлена опасалось, что политика СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе, малые страны которой испытывали тревогу перед растущей германской угрозой, приведет к созданию системы коллективной безопасности²⁵.

На заседании внешнеполитического комитета британского правительства 27 марта Н. Чемберлен предложил отказаться

¹⁹ Там же, № 33—34, с. 64—65.

²⁰ Там же, № 40, с. 69.

²¹ Чемпалов И. Н. Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март — июнь 1939 г.). — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975, с. 91—92.

²² СССР в борьбе за мир..., № 169, с. 257.

²³ СССР в борьбе за мир..., № 164, с. 247.

²⁴ СССР в борьбе за мир..., № 178, с. 265.

²⁵ Живкова Л. Англо-турецкие отношения 1933—1939. М., 1975, с. 103.

от «декларации четырех» и сосредоточить усилия на Польше и Румынии²⁶. 31 марта Англия предоставила гарантии Польше²⁷. На следующий день английский посол в Москве У. Сидс сообщил М. М. Литвинову, что он «считает вопрос о декларации окончательно отпавшим»²⁸. Следовательно, Лондон уклонился от переговоров с СССР и одновременно пресек возможное расширение советско-польского сотрудничества. После получения британских гарантий Польша воздерживалась от контактов с Советским правительством. Объективно действия правительства Чемберлена вели к изоляции СССР. Однако в сложившейся международной обстановке открыто проводить такой курс было невозможно. Не случайно министр внутренних дел Англии С. Хор высказал на заседании 27 марта опасение, что после всего случившегося исключить СССР будет трудно²⁹. Поэтому британская дипломатия маскировала истинную направленность своих действий. Отказ от совместных действий с Советским Союзом и предоставление односторонних гарантий Польше она оправдывала тем, что польское правительство отказывается от сотрудничества с СССР. Но, как справедливо писала газета английских коммунистов «Дейли уоркер», «фактически давление в этом направлении исходило из Лондона, а не из Варшавы»³⁰.

Переход к политике гарантий правительство Н. Чемберлена пыталось представить Советскому Союзу революцией во внешней политике Англии³¹. В действительности же политика гарантий была лишь ловким тактическим ходом британской дипломатии. Она не собиралась противодействовать германской агрессии при развитии ее на Восток. Как явствует из высказываний Н. Чемберлена на заседании внешнеполитического комитета 27 марта, в случае нападения на Польшу и Румынию английское правительство предполагало только сдерживать на линии Мажино германские силы. Когда министр координации обороны Чэтфилд спросил, что произойдет, если Польша и Румыния не будут сопротивляться, министр иностранных дел Э. Галифакс ответил, что «в таком случае мы не должны быть святее Папы римского»³². Следовательно, было возможно повторение Мюнхена, но уже за счет Польши и Румынии. Неудивительно, что именно в период перехода Англии к политике гарантий Гитлер утвердил план нападения на Польшу под кодовым названием «Вайс»³³.

По замыслу правительства Чемберлена, политика гарантий

²⁶ PRO 947, Сав 27/625, p. 201.

²⁷ СССР в борьбе за мир..., № 201, с. 290.

²⁸ СССР в борьбе за мир..., № 203, с. 292.

²⁹ PRO 947, Сав 27/625, p. 219.

³⁰ Daily Worker, 1939, 31 Mar.

³¹ СССР в борьбе за мир..., № 226, с. 326.

³² PRO 947, Сав 27/625, p. 214—216.

³³ СССР в борьбе за мир..., № 227, с. 326—329.

должна была ввести в заблуждение общественное мнение, которое требовало решительных мер против агрессии. И. М. Майский сообщал 9 апреля в Москву, что «Чемберлен остался тем, кем он был, и... все его новые «жесты» в области внешней политики вызваны давлением общественной волны»³⁴.

В то же время представление гарантий отражало опасение правящих кругов Англии и Франции, что фашистская агрессия будет развиваться в нежелательном для них направлении. Особенно усилились эти опасения после того, как 7 апреля Италия совершила нападение на Албанию. На следующий день Э. Даладье заявил британскому послу во Франции Фиппсу, что считает итальянскую акцию лишь прелюдией к большому итало-германскому наступлению от Северного моря к Египту³⁵. 10—11 апреля внешнеполитический комитет английского правительства обсуждал ситуацию, сложившуюся в Юго-Восточной Европе и в районе Восточного Средиземноморья в результате итальянской агрессии против Албании³⁶. Были рассмотрены меры по обеспечению безопасности британских империалистических интересов на подступах к Ближнему Востоку. На заседании 10 апреля министр координации обороны Чэтфилд заявил: «Если мы предоставили гарантии независимости Польше, в которой мы мало непосредственно заинтересованы, то можем ли мы оставить Грецию и Турцию, сохранение независимости которых представляет для нас непосредственный интерес? Если так, то не лучше ли теперь же сказать об этом, не дожидаясь нападения на эти страны или Румынию?»³⁷ 13 апреля Англия предоставила гарантии Греции и Румынии³⁸. Одновременно было решено подготовить декларацию о взаимопомощи с Турцией³⁹. Эти действия должны были, по замыслу британской дипломатии, способствовать созданию нескольких линий обороны на случай совместного наступления держав оси через Балканы на Ближний Восток. Ключевое место в английских оборонительных планах отводилось Турции, которую было решено привлечь на сторону Великобритании в качестве активного союзника. В тот же день было объявлено о предоставлении Францией гарантий Греции, Румынии и Польше⁴⁰.

Советская дипломатия предлагала накануне предоставления западными державами гарантий использовать сложившуюся ситуацию для подготовки многостороннего пакта о взаимопомощи с участием Англии, Франции, СССР, Польши и Румынии⁴¹. Но

³⁴ СССР в борьбе за мир..., № 218, с. 316.

³⁵ DBFP, ser. 3, v. 5, N 106, p. 151—152.

³⁶ PRO 947, Сав 27/625, p. 236—274.

³⁷ PRO 947, Сав 27/625, p. 240—241.

³⁸ СССР в борьбе за мир..., № 228, с. 329—330.

³⁹ PRO 947, Сав 27/625, p. 252.

⁴⁰ СССР в борьбе за мир..., № 229, с. 330.

⁴¹ PRO 947, Cab 27/625, p. 272; Colvin J. The Chamberlain Cabinet, p. 199.

правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье вновь действовали в обход Советского Союза. Н. Чемберлен говорил в середине апреля американскому послу в Лондоне Дж. Кеннеди, что «введение России перед завершением балканских соглашений может вызвать трудности»⁴². Политика односторонних гарантий преследовала цель воспрепятствовать борьбе Советского Союза за создание системы коллективной безопасности, предотвратить сближение или даже союз СССР с Польшей, Румынией и другими странами Восточной и Юго-Восточной Европы⁴³.

Лишь после предоставления гарантий Польше, Румынии и Греции правительства Англии и Франции пошли на переговоры с Советским Союзом. 14 апреля министр иностранных дел Франции Ж. Бонне передал полпреду СССР в Париже Я. З. Сурицу предложение об обмене между французским и Советским правительствами письмами, содержащими обязательство прийти друг другу на помощь, если одна из сторон окажется в состоянии войны с Германией вследствие оказания помощи Польше или Румынии. Эти письма должны были стать дополнением к франко-советскому договору о взаимопомощи⁴⁴. 15 апреля английский посол в Москве У. Сидс информировал М. М. Литвинова о предложении своего правительства сделать одностороннюю декларацию о том, что любой европейский сосед Советского Союза может рассчитывать на его помощь, если сочтет ее желательной⁴⁵.

И французское, и английское предложения были неудовлетворительны. Но если во французском предложении хотя бы внешне содержался элемент взаимности⁴⁶, то английский проект открыто требовал от СССР односторонних обязательств и носил явно провокационный характер. Эти различия свидетельствовали об определенной несогласованности Лондона и Парижа в начале англо-франко-советских переговоров. Положение Франции отличалось от положения Англии. Франция подвергалась более непосредственной опасности германской агрессии. Она была связана обязательствами по оказанию помощи своим союзникам в Восточной Европе. Следовательно, у французского правительства имелись веские причины для того, чтобы занять более решительную позицию⁴⁷. Советская дипломатия учитывала эти обстоятельства.

17 апреля правительство СССР, «считая предложение Франции принципиально приемлемым..., а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами», об-

⁴² FRUS, 1939, v. 1, p. 139—140.

⁴³ История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 768.

⁴⁴ СССР в борьбе за мир..., № 232, с. 332.

⁴⁵ СССР в борьбе за мир..., № 233, с. 332—333.

⁴⁶ Там же, примеч. 106, с. 684—685.

⁴⁷ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. М., 1976, с. 369.

ратилось к английскому и французскому правительствам с предложениями, в которых предусматривалось: заключение между Англией, Францией и СССР договора о взаимной помощи; оказание тремя державами помощи граничившим с СССР странам Восточной Европы в случае агрессии против них; заключение в кратчайший срок Англией, Францией и СССР военной конвенции; разъяснение английским правительством, что обещанная им помощь Польше имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии; превращение польско-румынского договора в действующий при всякой агрессии либо отмена его как направленного против СССР; отказ Англии, Франции и СССР от вступления в сепаратные переговоры с агрессорами и от заключения с ними сепаратного мира; признание необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимопомощи⁴⁸.

Советские предложения от 17 апреля открывали путь к созданию действенной системы коллективной безопасности в Европе. Они предусматривали не только достижение эффективного сотрудничества Англии, Франции и СССР, но и привлечение к организации коллективного отпора фашистской агрессии Польши, Румынии и Турции. Реакция западных держав на них не была одинаковой.

Министр иностранных дел Франции после знакомства с советским проектом заявил Я. З. Сурицу, что «первое впечатление у него сложилось весьма благоприятное»⁴⁹. 20 апреля британский посол в Париже Фиппс сообщил в Форин Оффис, что французское правительство еще не закончило изучение советских предложений, но, несмотря на определенные возражения, считает, что могут стать основой соглашения⁵⁰. В Лондоне опасались, что Франция может согласиться на предложения СССР. Правительство Чемберлена настаивало на том, чтобы содержание советского проекта и реакция на них Франции и Англии не стали достоянием общественности. Оно требовало от французского правительства не посылать СССР ответ, не проконсультировавшись с Лондоном⁵¹. Я. З. Суриц так оценивал позицию Франции: «Даладьё при всех своих недостатках (а их у него очень много)... все-таки легче, чем Чемберлен пошел бы на встречу нашим контрпредложениям... Вся беда в том, что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, все зависит от Лондона»⁵².

25 апреля Бонне передал Я. З. Сурицу французский проект «соглашения трех»⁵³. Он возлагал на СССР одноносторонние обя-

⁴⁸ СССР в борьбе за мир..., № 239, с. 336—337.

⁴⁹ СССР в борьбе за мир..., № 240, с. 337—338.

⁵⁰ DBFP, ser. 3, v. 5, N 241, p. 260—262.

⁵¹ Ibid., N 240, p. 260; N 250—251, p. 272.

⁵² Цит. по: История дипломатии, т. 3, с. 773.

⁵³ СССР в борьбе за мир..., № 253, с. 348—349.

зательства и, по словам М. М. Литвинова, «звучал почти издевательски»⁵⁴. Натолкнувшись на отрицательную реакцию Советского правительства, 29 апреля французский МИД был вынужден выдвинуть новые предложения, которые были, по существу, повторением предложений от 14 апреля с той лишь разницей, что теперь предусматривалось соглашение не только СССР и Франции, но и Англии⁵⁵. «Новый» французский проект отбрасывал англо-франко-советские переговоры далеко назад. Он не охватывал Прибалтику, через которую могло быть совершенно нападение на СССР, и не мог стать основой создания эффективной системы коллективной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе⁵⁶.

Однако даже такие инициативы Франции вызывали явное недовольство в Лондоне. На заседании комитета по внешней политике британского правительства Э. Галификс высказал опасения по поводу того, что между советским и французским предложениями «мало различий»⁵⁷. Советские предложения обсуждались на заседаниях комитета по внешней политике 19 и 25 апреля. На заседании 19 апреля Чемберлен заявил, что «в военном отношении СССР представляет незначительную величину»⁵⁸. 28 апреля министр координации обороны Чэтфилд сообщил мнение комитета начальников штабов, что «Россия — великая держава во всех отношениях, кроме военного»⁵⁹. Но ссылки на мнимую военную слабость СССР были лишь предлогом для отказа от советских предложений. Как заявил 19 апреля Чэтфилд, политические аргументы против военного союза Англии, Франции и СССР столь «непреодолимы», что они «перевешивают» любые военные выгоды⁶⁰. Суть же «политических аргументов», как это можно понять из выступления Галифакса на заседании внешнеполитического комитета 5 мая, сводилась к тому, что если «свободную и неопределенную декларацию» заменить принятием твердых и определенных советских предложений, то «мы должны будем изменить всю основу нашей политики»⁶¹. Это означало отказ от политики «умиротворения», на что правительство Чемберлена пойти не желало.

Однако в сложившейся международной обстановке английское правительство не решилось сразу отклонить советский проект. В конце апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение и польско-германский договор о ненападении. Кроме того, во Франции были сильны опасения, что если Гит-

⁵⁴ Там же, примеч. 106, с. 684—685.

⁵⁵ СССР в борьбе за мир..., № 261, с. 356—357; № 262, с. 357.

⁵⁶ Стегарь С. А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980, с. 261.

⁵⁷ PRO 947, Cab 27/625, p. 329.

⁵⁸ PRO 947, Cab 27/625, p. 298.

⁵⁹ PRO 947, Cab 27/625, p. 319—320.

⁶⁰ PRO 947, Cab 27/625, p. 302.

⁶¹ Colvin I. The Chamberlain Cabinet, p. 208+211.

лер предложит Англии новый Мюнхен, то Чемберлен снова пойдет на него за счет французских интересов⁶². Поэтому британская дипломатия прибегла к тактике затягивания переговоров и 3 недели не отвечала на советское предложение. На заседаниях комитета по внешней политике английского правительства 19 и 25 апреля было решено отложить ответ на предложения СССР до выступления Гитлера в рейхстаге 28 апреля и удерживать Францию от переговоров с Советским Союзом⁶³. Одновременно британская дипломатия энергично противодействовала сближению СССР с дунайскими и Балканскими странами. На заседании внешнеполитического комитета 25 апреля Н. Чемберлен предложил сосредоточить внимание на создании в Восточной Европе барьера из тех государств, которым непосредственно угрожает Германия⁶⁴. Этот тезис был выдвинут в качестве противовеса советским предложениям от 17 апреля о создании эффективной системы коллективной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе на основе военного союза Англии, Франции и СССР.

Отказ западных держав от поддержки советских предложений затруднил борьбу против фашистской агрессии. Тем не менее советская дипломатия предприняла новые усилия в этом направлении. В конце апреля — начале мая заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин посетил ряд стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Еще 15 апреля Советское правительство предложило турецкому руководству провести взаимную консультацию, чтобы «наметить возможные меры защиты от агрессии»⁶⁵. Турецкое правительство одобриительно отнеслось к этой инициативе и выразило пожелание, чтобы Анкару посетил В. П. Потемкин⁶⁶. Предполагалось, что он обсудит в Турции проблемы сотрудничества СССР, Англии, Франции и Турции, получит информацию по балканским вопросам и изучит «возможность вовлечения в антифашистский блок Болгарии»⁶⁷.

В ходе поездки В. П. Потемкин посетил Софию (дважды), Анкару, Бухарест и Варшаву. В Софии он встретился с царем Борисом и премьер-министром Кыосеиановым. Во время бесед с ними были затронуты интересовавшие обе стороны вопросы и выражено стремление Советского правительства помочь Болгарии отстоять национальную независимость⁶⁸. Во время второго визита в Софию 7 мая В. П. Потемкин посоветовал болгар-

⁶² Adamthwaite A. P. *France and the Coming of the Second World War*. L., 1977, p. 313.

⁶³ PRO 947, Сав 27/625, p. 295—303.

⁶⁴ PRO 947, Сав 27/625, p. 321.

⁶⁵ СССР в борьбе за мир..., № 234, с. 333—334.

⁶⁶ История дипломатии, т. 3, с. 704.

⁶⁷ СССР в борьбе за мир..., № 254, с. 349—350.

⁶⁸ Валев Л. Б. *Болгарский народ в борьбе против фашизма*. М., 1964, с. 29.

скому правительству улучшить отношения со странами Балканской Антанты⁶⁹. 8 мая в Бухаресте он обсуждал вопрос обеспечения безопасности на Балканах и поставил перед министром иностранных дел Румынии Г. Гафенку вопрос об изменении характера польско-румынского договора, имевшего антисоветскую направленность. Этот вопрос В. П. Потемкин поднял и перед польским министром иностранных дел Ю. Беком во время пребывания в Варшаве 10 мая⁷⁰. В ходе беседы с заместителем наркома иностранных дел СССР Ю. Бек вынужден был признать, что без поддержки Советского Союза Польша себя не отстоять. Со своей стороны, В. П. Потемкин подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала. Он дал понять, что Советское правительство готово более глубоко рассмотреть эту проблему⁷¹.

Таким образом, даже краткая характеристика действий В. П. Потемкина показывает, что они полностью соответствовали советским предложениям от 17 апреля. Миссия В. П. Потемкина была направлена не только на изучение возможности для их реализации, но и представляла собой комплекс практических мероприятий по привлечению стран Восточной и Юго-Восточной Европы к организации коллективного отпора фашистской агрессии.

Чрезвычайно большое значение имели с этой точки зрения советско-турецкие переговоры, проходившие в Анкаре с 28 апреля по 5 мая. В ходе переговоров В. П. Потемкин обсуждал с турецкими руководителями проблему обеспечения безопасности в Восточной Европе и на Балканах. Он попытался выяснить реакцию Турции на советские предложения от 17 апреля и получить точную информацию о ходе англо-турецких и франко-турецких переговоров. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу положительно оценил содержание советского проекта. Но относительно пункта 8, указывавшего необходимость заключения договора о взаимопомощи между СССР, Англией, Францией и Турцией, он заявил, что турецкое правительство не могло бы взять на себя обязательство помогать Прибалтийским государствам и Польше⁷².

Во время беседы В. П. Потемкина с президентом Турецкой Республики И. Иненю 5 мая был затронут вопрос о позиции Турции по отношению к возможному заключению Черноморского пакта⁷³. Предложение о Черноморском пакте было выдвинуто советской дипломатией в начале 1939 г. В нем могли при-

⁶⁹ Сирков Д. Външната политика на България. 1938—1941. София, 1978, с. 140.

⁷⁰ Gafenco G. Derniers jours de l'Europe. P., 1946, p. 250—252.

⁷¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 7, № 60, с. 103; Виск I. Final Report. N. Y., 1957, p. 191.

⁷² СССР в борьбе за мир..., № 27, с. 369—370.

⁷³ Там же, № 273, с. 374.

нять участие СССР, Турция, Болгария и Румыния. И. Иненю не дал определенного ответа на вопрос о Черноморском пакте. Он лишь указал на затруднения, которые необходимо было преодолеть на пути создания этого пакта⁷⁴. Турецкие руководители старались создать впечатление, что они способствуют прогрессу англо-франко-советских переговоров. И. Иненю сообщил В. П. Потемкину, что он убеждал влиятельного французского генерала Вейгана в решающей роли СССР при организации защиты от агрессии в Восточной Европе и на Балканах, а англичанам заявил, что считает необходимым заключение советско-турецкого пакта⁷⁵. Впрочем, рассуждения И. Иненю и Ш. Сараджоглу о советско-турецком договоре о взаимопомощи, который, по их мнению, должен был касаться безопасности Балкан, Проливов и Черного моря, свидетельствовали о стремлении турецкого правительства поддерживать переговоры с СССР до прояснения ситуации в англо-франко-советских переговорах.

Сведения о советско-турецких переговорах встревожили германскую дипломатию. Они заставили назначенного 18 апреля послом в Турции Папена ускорить свой отъезд в Анкару⁷⁶. Германское посольство в Турции приложило максимум усилий, чтобы сорвать возможность заключения соглашения СССР, Англии, Франции и Турции⁷⁷. Эта возможность могла стать реальностью, если бы между Англией, Францией и СССР был заключен пакт о взаимопомощи⁷⁸.

Британская дипломатия ревниво следила за ходом советско-турецких переговоров. Британский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджесен сообщил в Лондон, что цель Потемкина — достичь гармонии между советской и турецкой политикой, а также «синхронизировать» советско-турецкие и англо-франко-советские переговоры⁷⁹. Но именно это и противоречило планам правительства Чемберлена. 29 апреля англичане дали понять турецким руководителям, что возможность заключения англо-франко-советского соглашения сомнительна⁸⁰. Вслед за этим последовало изъятие из проекта англо-турецкой декларации о взаимопомощи пунктов, касавшихся сотрудничества с СССР.

8 мая английский посол Сидс передал новому наркому иностранных дел В. М. Молотову предложения своего правительства. Они отвергали советский проект от 17 апреля и требовали от СССР односторонних обязательств по отношению к восточно-европейским государствам⁸¹. 10 мая Галифакс заявил членам

⁷⁴ СССР и Турция 1917—1979. М., 1979, с. 153.

⁷⁵ СССР в борьбе за мир..., № 273, с. 372—375.

⁷⁶ Papen F. Memoirs. L., 1952, p. 446.

⁷⁷ Kroll H. Lebenserinnerungen und Botschafter. Köln — Berlin, 1968, S. 109—111.

⁷⁸ История внешней политики СССР. М., 1976, т. 1, с. 413.

⁷⁹ DBFP, ser. 3, v. 5, N 322, p. 381.

⁸⁰ Ibid., N 310, p. 365—366.

⁸¹ СССР в борьбе за мир..., № 279, с. 382—383.

британского кабинета министров, что военные переговоры с Советским Союзом необходимо отложить, насколько это возможно⁸².

12 мая была обнародована англо-турецкая декларация о взаимопомощи. Она была направлена против возможного продвижения держав оси через Балканы на Ближний Восток. Британский посол в Италии Л. Лорейн сообщал в Лондон, что англо-турецкая декларация стала «более суровым ударом», чем гарантии Польше, Румынии и Греции⁸³. Вместе с тем англо-турецкая декларация была органической частью политики английского правительства, направленной на срыв действий Советского Союза по привлечению Турции к организации системы коллективной безопасности. При ее подготовке вновь был обойден СССР.

В мае 1939 г. в Англии и Франции резко активизировались сторонники соглашения с Германией за счет стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Правая пресса развернула шумную кампанию в защиту политики умиротворения. 3 мая лондонская «Таймс» выступила с заявлением: «Данциг не стоит войны»⁸⁴. Аналогичные декларации публиковала реакционная французская печать. Как указывала газета французских коммунистов «Се суар», эта кампания была инспирирована во Франции Ж. Бонне. Газета ставила вопрос, не рассчитывают ли английское и французское правительства затянуть переговоры с СССР до тех пор, пока не случится непоправимое⁸⁵.

Речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля была воспринята на Западе как сигнал к оживлению контактов с Берлином. Французский посол в Польше Л. Ноэль писал, что эта речь «не закрывает дверь к переговорам»⁸⁶. Такой же вывод сделал посол Англии в Германии Н. Гендерсон⁸⁷. В середине мая в Берлине побывал эмиссар британских правящих кругов Г. Друммонд-Вольф. Он дал понять представителям германского МИД, что Англия готова на уступки в Восточной Европе и на Балканах в обмен на улучшение англо-германских отношений⁸⁸. Усилили активность сторонники франко-германского сближения во французском правительстве. 20 мая Ж. Бонне заявил послу Германии во Франции Вельчеку, что «в настоящее время задача состоит в том, чтобы снова найти путь к сотрудничеству»⁸⁹.

Однако планам поборников политики «умиротворения» был

⁸² Adamthwaite A. P. France and the Coming... , p. 312.

⁸³ PRO, FO. 434/6, p. 199.

⁸⁴ The Times, 1939, 3 May.

⁸⁵ Ce soir, 1939, 5 May.

⁸⁶ Noël L. L'Aggression allemande contre la Pologne. P., 1946, p. 355.

⁸⁷ DBFP, ser. 3, v. 5, N 313, p. 370.

⁸⁸ СССР в борьбе за мир..., № 293, с. 396—398.

⁸⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. М., 1981, № 57, с. 94—95.

нанесен удар. 22 мая Германия и Италия подписали так называемый «стальной пакт», представлявший собой договор о военном союзе. 24 мая на заседании британского кабинета министров Галифакс признал, что срыв англо-франко-советских переговоров может побудить Гитлера начать войну⁹⁰.

27 мая В. М. Молотову были переданы новые англо-французские предложения. Они декларировали согласие на заключение тройственного соглашения о взаимопомощи, но само их содержание изобиловало недостатками. Кроме того, механизм введения в действие договора о взаимопомощи был подчинен сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций, что ставило под сомнение его эффективность⁹¹. Поэтому В. М. Молотов заявил английскому и французскому послам, что англо-французский проект не только не содержит плана эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта. У Советского правительства складывалось впечатление, что Англия и Франция, заключив соглашение с Польшей и Турцией, не стремились к пакту с СССР⁹².

31 мая В. М. Молотов выступил на сессии Верховного Совета СССР с докладом о международном положении и внешней политике Советского Союза. Он отметил серьезное ухудшение международной обстановки и указал, что главной задачей советской внешней политики остается борьба против агрессии за создание оборонительного фронта неагрессивных государств. Необходимыми условиями для этого, по мнению Советского правительства, являлись заключение пакта о взаимопомощи между Англией, Францией и СССР, гарантирование ими от агрессии всех пограничных с Советским Союзом государств, заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах взаимной помощи⁹³.

2 июня Советское правительство выдвинуло новый проект соглашения Англии, Франции и СССР, в основе которого было заключение тройственного пакта взаимопомощи. Советские предложения от 2 июня были развитием предшествующих инициатив СССР и могли стать основой для создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе, включая Восточную и Юго-Восточную Европу⁹⁴.

Выступление В. М. Молотова и новые советские предложения произвели большое впечатление на французское правительство. Э. Даладье заявил советскому полпреду во Франции

⁹⁰ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 243.

⁹¹ СССР в борьбе за мир..., № 312, с. 421—422.

⁹² Там же, № 311, с. 418.

⁹³ СССР в борьбе за мир..., № 314, с. 423—428.

⁹⁴ СССР в борьбе за мир..., № 315, с. 432—433.

Я. З. Сурицу, что «он на многое готов, лишь бы прийти к ясному и недвусмысленному военному соглашению»⁹⁵. 8 июня Даладьё указал британскому послу Фиппсу на опасность дальнейшей задержки заключения соглашения с Советским Союзом⁹⁶.

Проявленная Францией в начале июня склонность обсудить советские предложения натолкнулась на ожесточенное противодействие со стороны Англии. Правительство Чемберлена требовало, чтобы французский проект тройственного соглашения, подготовленный в это время, не был показан правительству СССР и не стал достоянием общественности⁹⁷. По замечанию газеты британских коммунистов «Дейли уоркер», английский посол во Франции Фиппс стал «центральной фигурой в новом плане умиротворения», разработанном Чемберленом. В июне Фиппс вместе с британским послом в СССР Сидсом был вызван в Лондон для поисков путей замораживания переговоров с Советским Союзом⁹⁸.

В советской исторической литературе отмечается, что правительство Франции было более склонно к соглашению с СССР, чем британское, но все разногласия между ними кончались тем, что Франция позволяла Англии повести себя на буксире⁹⁹. Так произошло и в июне 1939 г. Французское правительство отказалось от выдвижения собственных предложений¹⁰⁰. 15 июня правительству СССР был направлен британский проект, с которым солидаризировалась и Франция. Англо-французские предложения от 15 июня не предусматривали гарантирования Прибалтийских государств, одновременного вступления в силу соглашения о взаимопомощи и военного соглашения, отказа от заключения сепаратного мира с агрессорами¹⁰¹. Все это, по словам В. М. Молотова, убеждало, что англичане и французы «не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств»¹⁰².

В конце июня англо-франко-советские переговоры зашли в тупик. Западные державы намеренно затягивали переговоры с СССР, чтобы за его спиной подготовить соглашение с Германией. Английский посол в Берлине Гендерсон настойчиво зондировал почву для англо-германских переговоров. 27 июня он заверил статс-секретаря германского МИД, что абсолютно неправильно думать, что «Чемберлен покинул тропу мира»¹⁰³. Одновременно Англия и Франция прилагали значительные усилия для укрепления своих позиций в районе Восточного Среди-

⁹⁵ СССР в борьбе за мир..., № 316, с. 433—434.

⁹⁶ DBFP, ser. 3, v. 6, N 2, p. 2.

⁹⁷ DBFP, ser. 3, v. 6, N 20, p. 22—23.

⁹⁸ Daily Worker, 1939, 12 Dec.

⁹⁹ История внешней политики СССР. М., 1976, т. 1, с. 367.

¹⁰⁰ Dugoselle I.-B. La decadence 1932—1939. P., 1979, p. 425.

¹⁰¹ СССР в борьбе за мир..., № 329, с. 450—451.

¹⁰² СССР в борьбе за мир..., № 331, с. 453.

¹⁰³ DGFP, ser. D, v. 6, N 572, p. 798.

земноморья. 23 июня была подписана франко-турецкая декларация о взаимопомощи. Французские коммунисты требовали, чтобы франко-турецкие переговоры были связаны с англо-франко-советскими переговорами ¹⁰⁴. Орган ФКП «Юманите» подчеркивал, что франко-турецкая декларация не будет иметь никакой ценности для защиты национальных интересов Франции, если она не будет дополнением англо-франко-советского тройственного соглашения ¹⁰⁵. Но правительство Даладье превратило франко-турецкую декларацию в составную часть политики умиротворения. Оценивая позицию Франции, американский поверенный в делах сообщал в конце июня в Вашингтон, что готовится новый Мюнхен за счет Польши и что в конце концов Франция откажется от Центральной и Восточной Европы, надеясь на конфликт между Германией и СССР ¹⁰⁶.

Советское правительство своевременно оценило опасность возникшей ситуации. 29 июня в «Правде» была опубликована статья А. А. Жданова, в которой указывалось, что, несмотря на предельную ясность позиции Советского правительства, несмотря на все его усилия, направленные на скорейшее заключение пакта о взаимопомощи, в ходе англо-франко-советских переговоров незаметно сколько-нибудь существенного прогресса. Рассмотрение позиции англо-французской стороны в ходе переговоров заставило А. А. Жданова сделать вывод, что западные державы хотят использовать переговоры с СССР, чтобы «облегчить себе путь к сделке с агрессорами» ¹⁰⁷.

Статья А. А. Жданова была серьезным предупреждением правительствам Англии и Франции, стремившимся направить фашистскую агрессию против СССР.

¹⁰⁴ L'Humanité, 1939, 30 may.

¹⁰⁵ L'Humanité, 1939, 24 juine.

¹⁰⁶ FRUS, 1939, v. 1, p. 193—194.

¹⁰⁷ Правда, 1939, 29 июня.